

Ся Сицин обнаружил, что столовая Чжоу Цзихэна очень большая, но обеденный стол по сравнению с ним очень маленький. Сестры могут максимум шесть человек. Прямоугольный бревенчатый стол покрыт скатертями цвета голубого озера. Вся посуда из простейшего белого фарфора, а посередине стола стоит широкий стол.

Тёмно-коричневая ваза с таким же горлышком, как у бутылки, с букетом белых бессмертных цветов.

Нет, Ся Сицин достал один и обнаружил, что это не обычный цветок бессмертия, а белая роза, сложенная из специально обработанной бумаги.

Кончик носа прислонился к краю лепестков и почувствовал аромат роз.

Ся Сицин всегда казалось, что цветок выглядит знакомо, и он нахмурился и ненадолго задумался.

Похоже, он складывал все это, когда был ребёнком.

Чжоу Цзихэн, который принёс последний салат, увидел, как Ся Сицин в оцепенении держит ветку бумажной розы. Картинка выглядела довольно приятной для глаз.

— Комментарии в Интернете верны, ты действительно прекрасен. – Чжоу Цзихэн поставил салат на стол и сел напротив Ся Сицина. — Просто не разговаривай.

— Убирайся отсюда. – Слово «красивый» – почти запретное слово в отношении Ся Сицина.

Чжоу Цзихэн не понял. В его глазах черты лица Ся Сицина как нельзя более уместно было описать как красивые. Красивый – это не специальное слово для девушек.

— Я искренне хвалю тебя, тебе пока не нравится это слышать.

Он лениво взглянул на Чжоу Цзихэна и поставил бумажные цветы в вазу:

— Подожди, пока не ляжешь на кровать, и похвали меня за то, что я красивый. – С усмешкой он резко сказал. — Мне нравилось слышать всё, что ты говорил в то время.

Чжоу Цзихэн, который угощал его рыбным супом, слегка усмехнулся:

— Я помню.

— Твой обеденный стол такой маленький. – Ся Сицин развел руками, почти касаясь борта. —

Но мне нравится оформление, эстетика в порядке.

— Раньше это был большой длинный стол, но я жил один и большую часть времени был в команде, поэтому ел как ни в чём не бывало. – Чжоу Цзихэн промокнул бумажным полотенцем дно томатно-рыбного супа в маленькой белой фарфоровой миске и протянул её Ся Сицину. — Я думаю, что использовать такой большой стол в одиночку бесполезно, поэтому я перешёл на меньший.

— Но это пустая трата времени – жить в таком большом доме одной. – Ся Сицин не понял его логики.

— Тогда ты останешься со мной? – Чжоу Цзихэн на самом деле просто шутил в соответствии со своими словами.

Он немного пожалел об этом в тот момент, когда сказал это. Он чувствовал, что вёл себя слишком много. Каждый раз, когда он ладил с Ся Сицином, он постигал своё собственное чувство меры.

Я хочу быть милым с ним, но боюсь, что эти хорошие вещи оттолкнут его.

Первая реакция Ся Сицина, когда он услышал это, также была ошеломлённой. Прежде чем он смог отреагировать, Чжоу Цзихэн закруглил тему:

— Я просто шучу. Дом – это не то же самое, что обеденный стол. Как бы это сказать? В моём сердце обеденный стол – это нечто особенное. Когда ешь в одиночестве, чувствуешь себя самым одиноким. Если на большом столе одно или два блюда, и ты сидишь один и тихо ешь, ты всегда чувствуешь себя очень жалко.

Ся Сицин внезапно не знал, что сказать. Описание Чжоу Цзихэна только что, казалось, касалось его жизни на протяжении стольких лет.

Поэтому он любит ужинать с Сюй Цичэнем.

В предыдущей хаотичной истории у него всегда была странная привычка. Ему не нравилось спать в одной постели с людьми после этого, но он любил поесть с людьми перед этим.

Так он не выглядит таким одиноким. Размышляя таким образом, Ся Сицин опустил взгляд на рыбный суп в тарелке. Цвет супа был красивым, томатно-красным. В тёплом жёлтом свете лапша искрилась, а аромат был очень сладким. Он взял её и попробовал. Насыщенный томатный аромат смешивался со сладостью жёлтой рыбы без костей. Начинка гладкая и ароматная, и желудок согревается после одного глотка.

Чжоу Цзихэн, казалось, очень нервничал:

— Как дела, вкусно ли?

Ся Сицин ничего не сказал, он допил маленькую миску на одном дыхании и снов протянул пустую миску:

— Я хочу другую миску. Зачерпни мне кусочек рыбы.

Наблюдая, как Чжоу Цзихэн радостно угощает его супом, он зачерпнул большой кусок рыбы из керамической кастрюли для супа и подобрал все очевидные колючки палочками для еды. Нос Ся Сицина был немного кисловатым. Он потёр его и отправил в рот кусочек кисло-сладких свиных ребрышек.

— Не пейте это на одном дыхании, позже ты не сможешь есть.

— Я не маленькая девочка. - Ся Сицин пожевал ребрышки во рту. — Эти свиные рёбрышки вкусные и хрустящие, не такие, как те, что приготовил Сюй Цичэнь.

— Взорвался. - Чжоу Цзихэн сменил тарелку, чтобы подать ему рис. Кто знал, что Ся Сицин взял рис и замочил его в рыбном супе.

— Так есть вредно для желудка.

— Нехорошо так питаться каждый день, это нормально - поесть. - Ся Сицин зачерпнул ложкой риса и отправил его в рот, его глаза удовлетворенно сузились. — Я не ел этого много лет. Суп и рис такие вкусные.

Чжоу Цзихэн осторожно спросил:

— Ты часто ел это, когда был ребёнком? Твоя мать...

— Моя мать не готовит, её руки используются только для того, чтобы оценить знаменитые картины. - Тон Ся Сицина немного смягчился. — Она коллекционирует картины маслом. Конечно, я имею в виду до того, как она заболела здесь. - Он улыбнулся и покрутил указательным пальцем у виска.

Что касается этой темы, Чжоу Цзихэн знал, что это минное поле, и даже если ему было любопытно, он не стал продолжать спрашивать, но он был готов говорить, что уже стало большим сюрпризом для Чжоу Цзихэна.

Ся Сицин сам сменил тему:

— Когда я учился в начальной школе, моя тетя, которая готовила дома, очень хорошо готовила рыбный суп на медленном огне, потому что мой родной город находится в Ухане, на берегу реки Янцзы, и я ем рыбу каждый день. Но когда я был ребёнком, я был очень разборчив в еде. Тогда она готовила рис для меня из рыбного супа, а потом садилась рядом со мной, вынимая из рыбы все колючки и клала их на рис.

— И что потом?

— Больше нет. - Ся Сицин опустил голову и сделал несколько глотков еды. — Позже она родила ребёнка и уволилась с работы.

Чжоу Цзихэн протянул руку и взъерошил волосы Ся Сицина:

— Когда ты захочешь поесть, я приготовлю это для тебя. - Ся Сицину не понравилось, что с ним обращаются как с ребенком. Он схватил Чжоу Цзихэна за запястье и предупредил с несчастным выражением лица. — Не делай вид, что заботишься о детях.

— Нет, я так думаю, - Чжоу Цзихэн коснулся лица Ся Сицин сбоку рукой, которую он держал. — Поскольку я не люблю есть в одиночестве, и ты тоже, мы можем иногда собираться в такой компании.

Он сказал что-то против своего сердца, но он не хотел слишком торопиться, чтобы отпугнуть котёнка.

Ся Сицин отпустил его запястье, и он хотел отказаться напрямую. Это зрелище совместной жизни заставляло его чувствовать себя одновременно скучным и странным. Но еда Чжоу Цзихэна была такой вкусной и так понравилась его аппетиту, что он мог бы пожалеть об этом через два дня, если бы отказался напрямую. Лучше промолчать и оставить место для себя.

После того, как еда была медленно съедена, Ся Сицин взял на себя инициативу помыть посуду. В конце концов, он так долго ел и пил просто так. Хотя он никогда раньше не занимался такого рода работой, по сравнению с приготовлением пищи сложность мытья посуды снизилась на несколько порядков.

Но Чжоу Цзихэн прямо отклонил его просьбу:

— Да. Кроме того, - Он встал с упакованными тарелками и палочками для еды и небрежно закончил фразу. — Руки художника нельзя использовать для мытья посуды. Это пустая трата времени.

Ся Сицин попытался поджать уголки рта.

Он был действительно убеждён. Чжоу Цзихэн, очевидно, был невинным маленьким

девственником, так как же он мог быть так хорош в этом.

Если бы этот человек низкого уровня бывал здесь так много раз, он был бы в отчаянии и не смог бы поддерживать себя.

К сожалению, это не так.

Но встречаться интересно только ученикам старших классов, иначе не слишком ли просто закончилась бы история, и это не сказка для уговаривания детей.

Разве эмоциональный мир взрослых – это не просто возбуждение от того, что ты приходишь и уходишь?

После ужина становилось поздно, Ся Сицин вернулся к противоположной двери под предлогом принятия душа. Как только он вышел из душа, он обнаружил, что получил серию сообщений на свой мобильный телефон.

[Задающий темп морали: Ты закончил принимать душ? Ты хочешь посмотреть фильм?]

[Задающий темп морали: Я уже покупал проектор раньше, и он простаивал. Я только что установил его и обнаружил, что он неплох.]

Ся Сицин небрежно вытер волосы, отбросил полотенце в сторону и сел на диван, готовый ответить ему. Кто знал, что поступит телефонный звонок. Это был его дядя, который не связывался с ним восемьсот лет. Подумав об этом, Ся Сицин всё же ответил.

— Могу я вам помочь? – У дяди Ся Сицина Си Хуэя всегда было мало дружбы с ним.

Отсутствие дружбы означает отсутствие противоречия. Кроме того, он всё ещё мягкий человек, и Ся Сицин готов сказать ему несколько слов.

— Сицин, прошло много времени с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Я знаю, тебе не нравится фальшивая вежливость, поэтому этот процесс бесплатный. На этот раз мне нужно сделать с тобой две вещи. На самом деле, все они как-то связаны с твоей матерью. В последнее время ей не очень хорошо. Я думаю, тебе следует взглянуть на неё, если у тебя есть время. Конечно, всё зависит от того, что ты думаешь.

— Давай просто поговорим о втором. – Ся Сицин внезапно захотелось курить, но после долгого прикасания к сигарете он понял, что на нем пижама.

— Ну, ты знаешь, Художественный центр Пулито, которым раньше управляла твоя мать, был отремонтирован в прошлом месяце и готов к повторному открытию. Два дня назад я получил

приглашение на художественный ужин. Я думаю, что ты владелец этого арт-центра. Тебе больше подходит пойти туда, чем мне. На этом ужине будут присутствовать многие крупные фигуры в мире искусства и, конечно же, бизнесмены, что также будет полезно для возобновления работы арт-центра.

Эти замечания неопровержимы, что соответствует последовательному стилю действий Си Хуэя, но Ся Сицин лучше, чем кто-либо другой, знает, что эти причины не являются реальными причинами. Самое главное, что теперь у него хорошо известная репутация, и даже публичность спасена.

Ся Сицин ненавидит, когда его используют другие, но из-за карьеры его матери или из-за его матери его эмоции сложны: он одновременно ненавидит её и жалеет.

— Ты также знаешь, что Пулито был создан твоей матерью после того, как она родила тебя, просто в память о твоём рождении. Да, похоже, что это действительно так, даже название взято от итальянского слова «Цин». Но, в конце концов, этот художественный центр тоже был разрушен ею, и это казалось немного судьбоносным. Сицин?

— Я понимаю. Я пойду, но больше ничего не буду делать. – голос Ся Сицина был слабым. — Люди, которые изучают искусство, самые некомпетентные, не рассчитывай на меня.

Человек на противоположной стороне, казалось, вздохнул с облегчением:

— Я дам вам адрес через некоторое время. Позаботься о себе снаружи. – Си Хуэй сделал паузу, затем увещевающе произнёс. — Индустрия развлечений находится в беспорядке, так что будьте осторожны.

— По сравнению с кругом, где я вырос, индустрия развлечений – это настоящая педиатрия.

Повесив трубку, Ся Сицин забыл ответить Чжоу Цзихэну. Он подумал о том, не отнесёт ли Пулито картину туда, если она действительно откроется вновь.

Но это полное хулиганство. Как может босс выставлять свои картины в собственной галерее? Это звучит как выгодная сделка.

Восприятие людей всегда очень странное, и они всегда чувствуют, что искусство ценно только тогда, когда оно связано с бедностью.

Кто бы поверил, что богатое второе поколение может нарисовать какие-то хорошие картины?

Вот почему Ся Сицин никогда не говорит о своём происхождении, когда ему весело с людьми, и никогда не упоминает о своём семейном происхождении, когда он творит с людьми. Как только они смешиваются вместе, возникает тонкое ощущение дешевизны.

После долгих поисков он вытащил коробку персиков «Мальборос» из щели между диванными подушками. Он долго смотрел на портсигар, прежде чем вспомнил, что, кажется, в прошлый раз его он привёз от Ся Чжисю. Этого парня заставили бросить курить, и он не мог курить те, что купил раньше.

Ся Сицин всегда не очень любил сигареты с бисером и считал, что это слишком скучно, но он также был пристрастен к курению, и ему не нужно было выбирать сигарету. Она также подходила в качестве послеобеденного десерта. Он поднес тонкую трубочку ко рту и закурил. Просто деляя затяг.

Внезапно зазвонил телефон, и он подумал, что Си Хуэй хочет что-то сказать, но когда он посмотрел на него, то обнаружил, что это Чжоу Цзихэн, а затем вспомнил, что не закончил то, что только что сказал ему.

В двойном взрыве есть две взрывоопасные бусины, одна – голубая мятная бусина, а та, что рядом с мундштуком для сигарет, – персиковая взрывоопасная бусина.

Ся Сицин сделал вдох и раздавил голубые бусины рукой. Холодный аромат мяты был окутан мягким запахом табака и устремился прямо к крышке небесного духа. Его волосы еще не высохли, и его мозг был возбужден. Казалось, что определенный нерв был натянут, и он быстро ослаб, а поры по всему ее телу были полны пор.

— Да?

Он не знал почему, но Чжоу Цзихэн лениво слушал голос Ся Сицина на другом конце провода, как будто всплывал. Он кашлянул:

— Ты закончил принимать душ? Что ты делаешь?

— Принимаю наркотики.

— ...

— Солгал тебе. – Ся Сицин дважды лениво улыбнулся, и большая часть прохлады рассеялась.

Он удобно откинулся на подлокотник дивана. В это время он вспомнил предыдущее приглашение Чжоу Цзихэна. Его не интересовали фильмы, но он хотел посмотреть что-нибудь ещё.

— Я не хочу смотреть фильм. У тебя есть телесериал, в котором ты играл, когда был ребёнком? Я хочу это увидеть.

Чжоу Цзихэн подавился им и несколько раз кашлянул:

— Что в этом такого хорошего...

— Я просто хочу это увидеть. - Ся Сицин выплюнул неглубокое колечко дыма, протянул свою тонкую руку и схватил его, и дым вырвался между его пальцами.

Казалось, телефон молчал целое столетие. Он не торопился и спокойно курил. Выкурив почти треть сигареты, Чжоу Цзихэн закончил игру и неохотно пошёл на компромисс.

Пока Ся Сицин не наступил на тапочки Чжоу Цзихэна и не появился в его двери с белой сигаретой, выражение лица Чжоу Цзихэна всё ещё было уродливым.

Ся Сицин счастливо улыбнулся, снял сигарету, надел её на палец и потёр ухо Чжоу Цзихэна рукой.

— То зависит от детей Чжоу Цзихэна.

— Заткнись.

Но Ся Сицин не ожидал, что проектор, о котором говорил Чжоу Цзихэн, на самом деле установлен в его спальне.

Если бы это был кто-то другой, он бы определенно подумал, что такого рода приглашение было вызвано скрытыми мотивами, но это был Чжоу Цзихэн, так что он, должно быть, смотрел фильм.

Его кровать была обращена к большой глухой стене. Чжоу Цзихэн нашёл в комнате очень старую коробку с несколькими жёсткими дисками.

— Я сам этого не видел. - В тоне Чжоу Цзихэна всё ещё слышалась легкая обида, и Ся Сицин тоже присел на корточки и коснулся его макушки.

— Разве это не правильно? Давай вместе вспомним твой маленький милый период.

Как только он поднял голову, его глаза были немного пугающими, Ся Сицин больше ничего не сказал, они узнали друг друга и легли на кровать с лёгким паром.

— Ничего, если я выключу свет? - Проектор включен, Чжоу Цзихэн всё ещё немного встревожен.

Лицо Ся Сицин было спокойным:

— Всё в порядке.

Наполнилась темнота, и призрачный свет и тень проектора заблокировали поток тёмных цветов. Эти лучи света, которые были подобны воде под солнцем, проецировали прекрасные цвета на приближающееся тело Чжоу Цзихэна, что заставило Ся Сицина немного тронуться.

Если это тело можно использовать в качестве бумаги для рисования, на нём должно получиться достаточно потрясающих работ.

Мягкая кровать рухнула, и Чжоу Цзихэн сел рядом с ним.

— Почему ты попросил меня посмотреть фильм? - Ся Сицин повернул лицо и увидел, что свет был прозрачен для ресниц Чжоу Цзихэна.

Когда он вспыхнул, это было похоже на увядшие крылья цикады. Это было очень красиво.

— Скоро я буду в группе, и, думаю, после этого у меня будет не так много свободного времени. Изначально я искал иностранный фильм, и главный герой тоже был болен СПИДом. Я хотел посмотреть, как другие сыграли это, но я был немного подавлен, когда увидел это сам. - Чжоу Цзихэн откинул голову на подушку. — Мне будет легче поднять тебя.

Говорить так много на самом деле - чепуха. Я просто хочу проводить с ним больше времени.

Ся Сицин кивнул, и на экране проектора появился ребёнок в маленьком комбинезоне, с нежным голоском, и он вдруг рассмеялся:

— Сколько тебе было лет?

Чжоу Цзихэн прищурил глаза и на некоторое время задумался:

— Может быть, было шесть лет, в год моего дебюта.

— Это так мило. - Ся Сицин уставился на Чжоу Цзихэна, затем перевёл взгляд на детей на фотографии, пытаясь подтвердить сходство между ними.

Чжоу Цзихэну стало слишком стыдно, и он повернул лицо Ся Сицина к своему лицу:

— Не смотри на меня по своему телевизору.

— Это твой телевизор. - Ся Сицин тихо усмехнулся.

Чжоу Цзихэн всегда чувствовал, что вокруг него витает фруктовый запах, а не запах Ся Сицина в прошлом. Он поинтересовался:

— Ты сменил свой гель для душа?

— Нет, - быстро отреагировал Ся Сицин, — Ты говоришь о дыме, верно?

Хотя он говорил, он всё ещё смотрел на красивого маленького мальчика на экране. Шестилетний Сяо Чжоу Цзихэн играл самого младшего молодого мастера в семье. Сверху были две сестры и старший брат. В этот момент он надевал это на него. Он поднялся наверх и крикнул своему брату. Эта сцена, звук хрустящий и сладкий, как маленький персик.

Это всё ещё хорошо, когда он был ребёнком, хорошо и мягко.

— Сигарета? Ты сказал, что аромат исходит от дыма?

Я знал, что этот хороший малыш раньше не видел мира.

Ся Сицин сразу же вынул сигарету изо рта и протянул её ему:

— Ты пытаешься?

Чжоу Цзихэн отказался:

— Забудь об этом, я не курю.

— Тск. - Внимание Ся Сицина наконец переключилось с Сяо Чжоу Цзихэна. Он повернул лицо и поднял брови. — Пятеро хороших молодых людей.

У него с детства такой дурной вкус, и ему нравится приставать и портить хорошо воспитанных детей.

— Мне не нравятся такого рода вещи, вызывающие привыкание, и это вредно для моего здоровья.

Чжоу Цзихэн объяснил в жесткой манере. Кто знал, что Ся Сицин сест прямо с сигаретой в руке, раздвинув ноги, сжав плечи, и оседлает его. Розовые лопнувшие бусинки на его губах были прикушены им внезапно, и ароматный и свежий персиковый аромат внезапно хлынул в его сердце.

Ся Сицин вытащил сигарету, выпустил красивое кольцо дыма, наблюдая, как дым растекается по хмурому лицу Чжоу Цзихэна, тая вместе с струящимся светом.

Пальцы, державшие сигарету, ущипнули Чжоу Цзихэна за подбородок и поцеловали его.

Холодный сладкий дым был перекинут, завершив долгую психоделическую передачу. Персики, мята, сигареты.

Переплетение света и тени, сладкие и мягкие тона детства, липкий и интимный поцелуй.

— Посмотри мне в глаза и скажи это ещё раз.

Мягкие губы слили желание воедино.

— Тебе нравятся вызывающие привыкание вещи?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284200>